
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(5-015)
ББК 63.3(5)

А.Д. ГОМБОЖАПОВ

КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ ХУННУ В ТРУДАХ Л.Н. ГУМИЛЕВА

В статье представлен анализ основных теоретических взглядов Л.Н. Гумилева на историю империи Хунну. Рассматриваются методологические подходы ученого на политическую организацию, общественное устройство и социально-экономическое развитие хуннов.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, хунну, империя.

A.D. GOMBOZHAROV

THE XIONGNU EMPIRE IN L.N. GUMILYOV'S WORKS

The article presents an analysis of the major theoretical views L.N. Gumilyov on the history of the Xiongnu Empire. The methodological approach of the scientist to a political organization, social structure and socio-economic development of the Xiongnu are considered.

Keywords: L.N. Gumilyov, Xiongnu, empire.

Монографическое исследование «Хунну», вышедшее в 1960 г., стало первым крупным исследованием Л.Н. Гумилева. Обобщающий труд о кочевом народе хунну, многие считают наиболее научным в творческом наследии Льва Николаевича Гумилева. Основанная на тщательном изучении широкого круга источников, книга обращала на себя внимание именем автора, языком, стилем и достаточно осторожно высказанной идеей об особенностях социально-экономического и политического строя кочевых народов, не вполне укладывающегося в формационные схемы.

Автор работы поставил цель выяснения того места, которое хунны занимали во всемирной истории как создатели самостоятельной, хотя и недоразвившейся культуры. Источниками написания послужили отдельные переводы древнекитайских хроник: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня, Бань Гу «Хань Шу» («История династии Хань»), Фань Е «Хоу Хань шу» («История Поздней династии Хань»), принадлежащие Н.Я. Бичурину, Э. Шаванну, Л.Д. Позднеевой. Также использовались современные ему материалы археологических раскопок. На основе данных китайской историографии вкупе с археологическими, Гумилев восстанавливает истоки хуннского этноса. В изложении этногенеза хуннов автор основывается, прежде всего, на данных китайских историографов, представленные в трудах Н.Я. Бичурина, а также для восстановления событий

более древнего периода, письменно не зафиксированного, использует разработки археологов Г.И. Боровка, Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова и антропологов Г.Ф. Дебеца и др. Современные ученому археологические сведения вполне укладывались в рамки выдвинутой гипотезы, но необходимо заметить, что археологическая наука того времени не создала той обширной систематической базы, которая могла бы опровергнуть ее, поэтому на тот момент она являлась вполне убедительной и непротиворечивой. На сегодняшний день сопоставление остатков материальной культуры плиточных могил с материалами хуннских захоронений не дает оснований для вывода об их этнической близости [8].

Ученый принадлежит к тому направлению, которое считает хуннов тюркоязычным этносом. Тюркоязычие хуннов, по мнению Л.Н. Гумилева, уверенно доказывается на основе близости языков хуннского и телесского (уйгурского), при этом проблема общности известных хуннских и монгольских слов объясняется им с двух позиций: в I тысячелетии до н. э. шло лишь сложение прототюркских и протомонгольских языков; процессы языковой дифференциации были сложными и протекали в разных областях неодинаково, отсюда и недостаточное разграничение между языками, представлявшими «тюрко-монгольскую стихию», или же данная общность связывается с культурным обменом между народами, ведь часто прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно и имели общую историческую судьбу. Подвергая критике мнение Л. Лигети о том, что не имеется аналогий хуннскому слову «саудақ» ни в тюркском, ни в монгольском языках, автор пишет, что это слово соотносится с древнерусским словом «сайгадақ», а оно в свою очередь тюрко-монгольского происхождения. Дать однозначный ответ о языковой принадлежности хунну при современном состоянии научных знаний не представляется возможным. В то же время положение о «тюрко-монгольской стихии», на которой основывается в своих предположениях Л.Н. Гумилев, не находит своего подтверждения. Согласно теории алтайской языковой семьи, распад на тюркскую и монгольскую ветви произошел в IV тыс. до н.э.

По Л.Н. Гумилеву, эволюция этнополитического объединения хуннов шла от родового строя, который был представлен единым племенем, составленным из 24 родов, к родовой державе. «В 209 г. до н. э. хунны консолидировали свои 24 рода, а последующие события поставили конфедерацию 24 хуннских родов на более высокую ступень общественно-го развития: союз превратился в державу» [5, с. 73].

Форма политической организации была, по его мнению, отличной от тех, что имелись у других кочевых племен. Так он предлагает не распространять понятие орда на хуннское общество, поскольку в нем фиксируется внутренняя родовая организация, и отделять их устройство от племенного союза [5, с. 74]. Л.Н. Гумилев отнес хуннское общество к высшей

ступени первобытнообщинного строя. Автор дает трактовку социального строя хунну как патриархальную родовую державу, существенным элементом которой была консервация патриархально-родовых отношений. Именно последнее обстоятельство и определило появление организационно политической формы как родовая империя. Дальнейшая эволюция хуннского общества, по мнению Л.Н. Гумилева, шла от трансформации родовой державы к военной демократии, что связывается с процессами разложения родовых отношений [5, с. 214]. Этот взгляд Гумилева отражает развитие основных положений концепции «военное демократии», которая была принята как инструментарий советской методологической школой при исследовании кочевых обществ.

Обретение державности и ее становление, как пишет Гумилев, было подготовлено всем ходом исторического процесса развития кочевого хозяйства, но создание ее именно хуннами, и в это время, было результатом активной объединительной политики шаньюя Модэ, которому пришлось сразу же столкнуться со всей военно-политической мощью ханьского Китая [5, с. 84]. Роль личности применительно к кочевому обществу высоко оценивается Л.Н. Гумилевым. Личностный фактор играл важную роль в силу того, что власть шаньюя опиралась на его личный авторитет; поскольку отсутствовал аппарат власти и принуждения, то его власть могла опираться только на народное ополчение. Еще более ярко выражена эта роль при рассмотрении причин возникновения державы сяньби. Из легенды о происхождении основателя сяньбийской державы Таншихая выводится его системообразующая роль в возникновении кочевой политики: «...Таншихай был смолоду лишен поддержки рода, и все совершенное им есть плод его личного таланта» [5, с. 236]. В отличие от державы Хунну, основанной на хуннском аристократизме, сяньбийская орда не имела организационно структурных элементов, придавших бы ей длительную устойчивость. «Система Таншихая была настоящей военной демократией, переходом от древней геронтократии к орде — строю средневековой Азии», относительно короткий период существования которого соотносится с протяженностью жизни его основателя [5, с. 238]. «В 181 г. Таншихай умер на сороковом году жизни, и тогда обнаружилось, что вся держава покоилась на силе и обаянии его личности» [5, с. 240].

Разрушение единства хуннского общества и возникновение разнонаправленных партий было опосредовано различной позицией в вопросе формы проведения политики по отношению к Китаю, с которым они были вынуждены взаимодействовать в силу ограниченности кочевой скотоводческой экономики. Состав партий определялся разными обстоятельствами. Так, одной из причин, толкавших в сторону военной «старохуннской» партии, служило то обстоятельство, что возникали неразрешимые мирным путем конфликты из-за ограниченных властных ресурсов внутри

родовой аристократии, ввиду сильно разросшегося клана правителя, построенного по коническому принципу: «Шаньюев род разрастался, и всем членам его не хватало высоких должностей, хотя при Хулугу-шаньюе был введен дополнительный титул — жичжо-князь. Не получившие титула родственники шаньюев, естественно, были недовольны и смыкались с военной партией» [5, с. 155]. С другой стороны, «...родовые князья по мере роста и усиления своих родов стремились к большей самостоятельности. Им начинала мешать военная дисциплина старохуннской партии, и они готовы были поддержать придворную партию, чтобы при ее слабой власти пользоваться большей самостоятельностью».

Политическая история державы Хунну прослеживается во взаимосвязи с событиями с сопредельными государствами и племенами, определявшими как внутреннюю, так и внешнеполитическую деятельность. Хуннская держава представляла собой полиэтничное объединение. Механизмы, на которых строилась кочевая держава, строились на принципе инкорпорации племен в общеимперскую десятичную иерархию и в то же время в генеалогическую иерархию через фиктивное родство. Поэтому становится объективно необходимым рассмотрение системы отношений хунну с подчиненными племенами, выявление организационной структуры и механизма зависимости и данничества между господствующим этносом-элиты с подвластными племенами.

Рассмотрев историю хуннов, автор монографии приходит к выводу о том, что народ хунну мог бы создать культуру, не уступающую китайской или античной цивилизации, развивает тезис о недоразвившейся культуре, прерванной агрессивной политикой Китая. «Единственной опасностью для Хунну была ханьская агрессия. Следовательно, если бы империя Хань развалилась на 200 лет раньше, что могло бы быть, если бы толковые китайцы не прикончили узурпатора Ван Манна вовремя, в степи оформилась бы хуннская культура и развилась бы хуннская цивилизация или фаза исторического существования» [6, с. 342]. С этой позиции объясняется исторически пассивный период в Центральной Азии после падения державы Хунну. «Трехсотлетняя обскурация в Восточной Азии наступила не благодаря, а вопреки деятельности хуннов» [6, с. 343].

И все же дальнейшее прогрессивное развитие Хунну не может рассматриваться, по мысли ученого, вне связи с достижениями земледельческой культуры. «У хуннов были все предпосылки для перехода к мирной жизни: китайские эмигранты насадили в степи земледелие, сохдийские — художества и ремесла, турфанцы — торговлю» [6, с. 343]. Но подчеркивается хозяйственно-культурный вклад хуннов для человечества: «Основным достижением хуннов было освоение степных странств Монголии» [5, с. 96].

История народа хунну в изложении обобщающих работ Л.Н. Гумилева представляет собой неутраченную со временем историографическую

значимость. Анализ основных теоретических выводов ученого по политогенезу хуннской державы, характерным особенностям социально-экономической структуры общества, культурно-исторической роли, комплексу факторов внешнеполитической деятельности позволяет говорить о их научной состоятельности для методологии кочевниковедения. Следует при этом учесть, что выводы востоковеда по этногенезу хунну, средневекового китайского этноса и некоторых других народов Центральной Азии имеют расхождения с современными взглядами на эти проблемы. Также дискуссионными являются взгляды ученого в объяснении причин миграций кочевников, связывающего их с природно-климатическими факторами, в частности с процессом усыхания степи, утверждения о неблагоприятности этнического смешения кочевников и оседло-земледельческих народов средневекового Китая.

Список использованной литературы и источников

1. Васильев Л. С. ...С точки зрения синолога / Л. С. Васильев // Природа. — 1976. — № 4. — С. 154–156.
2. Васильев К. В. Л.Н. Гумилев «Хунну, Срединная Азия в древние времена» (М. : ИВЛ, 1960. — 291 с.) / К. В. Васильев // Вестник древней истории. — 1961. — № 2. — С. 120–124.
3. Вернадский Г. В. Из древней истории Евразии «Хунну» / Г. В. Вернадский // American Historikal Review (New York). — 1961. — № 3. — С. 711–712.
4. Воробьев М. В. [Рецензия]: на монографию Л.Н. Гумилева «Хунну. Срединная Азия в древние времена» (М. : ИВЛ, 1960. — 291 с.) / М. В. Воробьев // Народы Азии и Африки. — 1962. — № 3. — С. 199–201.
5. Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена / Л. Н. Гумилев ; АН СССР. Институт востоковедения. — М. : Изд-во вост. лит., 1960. — 291 с.
6. Гумилев Л. Н. Хунну. Хунны в Китае / Л. Н. Гумилев. — М. : Айрис-пресс, 2004. — 624 с.
7. Крадин Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Логос, 2001. — 312 с.
8. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1998. — 288 с.

Информация об авторе

Гомбожапов Александр Дмитриевич — ведущий научный сотрудник, отдел истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: agombozh@gmail.com.

Author

Alexandr D. Gombozhapov — Senior Scientists, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: agombozh@gmail.com.